

Бланк конкурсной работы Всероссийского конкурса сочинений «Без срока давности» 2022/23 г.

1 страница

Субъект Российской Федерации / Государство, на территории которого располагается школа МИД / Республика Беларусь
<i>Ивановская область</i>
Город (населенный пункт)
<i>г. Железногорск</i>
Полное название образовательной организации
<i>Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Гимназия имени Ф.Н. Осиповской»</i>
Участник Конкурса
Фамилия
<i>Валенков</i>
Имя
<i>Егор</i>
Отчество
<i>Валерьевич</i>

2 страница

Класс (курс) обучения участника Конкурса:

9 класс

Тематическое направление:

Преступления против детства в годы Великой
Отечественной войны 1941-1945 годов.

Жанр сочинения:

Страница дневника.

Тема сочинения:

«Из двадцатого в двадцать первый...»

Сочинение:

Из двадцатого в двадцать первый...

Люди, пережившим ужасы войны,
лишённым детства, посвящается...

Дети и война – нет более ужасного сочетания
противоположных вещей на свете

А. Твардовский

Я взял в руки бумагу и карандаш не просто так.

Поводом стало недавнее событие.

Родители сказали, что пришло письмо, а точнее,

официальный запрос по месту жительства моего прадеда. Нам надо ехать. В машине я внимательно читал этот документ, понял одно: кто-то из некоего отряда России разыскивает нашего деда, моего прадеда Семёна Тёдоровича Яковлева. Вот уже десять лет, как его нет в живых, а дом, в котором он жил, продан. Всё же мы должны узнать, кто же ищет прадеда.

Оказалось, нам очень повезло: новые жильцы нашим личным вещам бывшего хозяина и сказали, что выбрасывать их нельзя, что они имеют ценность и что рано или поздно за ними придут. Мы на месте. Пока родители разговаривали с Иваном Васильевичем и Матрёной Тёдоровной, мне разрешили подняться на чердак.

Старый, потемневший от времени сундук с пермявскими навесными замками сразу привлек моё внимание. Крышка легко поддавалась, «... а ларчик просто открывался», — среди старых вещей я увидел тетрадь. Корочки её от времени были нехотяжно

цвета, то ли синие, то ли зелёные. Страницы
напиханы лачугою скорлупу, так стары были
записи, нанесённые на них. Осторожно беру в
руки... Это всего рода послание из двадцатого в
двадцать первый век. Как оказалось, ещё одна история
об «украденной» детстве в годы войны.

Теперь - то я знаю, что записи сделаны уже
после окончания Великой Отечественной. А тогда
на чердаке, когда я открыл тетрадку и стал читать,
время остановилось, а может потекло вспять, унося
меня за собой.

На первом листе: «1942. Мне 15 лет. В этот
год самое запоминающееся — гул, г-у-у-у-у-у, гуууу-л,
бесконечный, беспощадный гул бесчисленного коли-
чества бомбардировщиков, от которых чёрным
становится небо, чёрно в глазах, чёрно и страшно,
и холодно где-то внутри... Б-гууу-л-л, олушующий,
накрывающий всё вокруг - а потом воздушная тревога,
и грохот бомб, разрывающий, корёжащий воздух.
Страшный, протяжный рёв моторов немецких

самолетов как будто вырывает у человека ожогом от страха сердце. Каждый день и даже ночью слышны сирены, звучит воздушная тревога. Все, от мала до велика, как по команде одеваются и мама бежит в Банбобуежице. Привыкнуть к этому нельзя.

Уже там дети мама смотрят на взрослых и взглядом будто спрашивают: «Когда это закончится? Когда всё будет хорошо, как раньше?» В ответ — тишина. Нежные руки женщины обнимают детей, гладят по головке, а глаза их словно обещают, успокаивают: «скоро, уже совсем скоро», — прочитал я на первой странице.

Читано дальше. «Я почти каждый день видел в Банбобуежице девочку. Ей было, наверное, лет 7 или 8. Как её зовут, я не знал. Одежда она была, как мне казалось, странна. Красное пальмико с жёлтой заплаткой на рукаве, а на голове большая, не по размеру мужская шапка-ушанка, которая постоянно спадала ей на глаза. Девочка одной рукой неловким движением сдвигала шапку на затылок,

но наказано, потому что она не слушалась и опять спала. Из-под шапки выдвигались золотые кудряшки. Вторую руку девочка всегда держала в кармане. Кудряхалка приходила вместе со всеми, и, когда ей было очень страшно, не поправляла шапку, а, кивая губками, так и сидела, пока были сакалёты. Орнахды я взял её за руку и сказал, что меня зовут Селён", - написано в тетради. Я догадался, что записи сделаны моим прадедом Селёном. В годы войны ему было столько же лет, как мне сейчас, может чуть побольше. Ну это такое 15-16 лет? Малышка совсем. Селён узнал, что девочка сирота, живёт у Зои Николаевны, чаще мамит, наверное, от испуга.

«Тогда я спросил, как её имя, а она подняла на меня огромные глаза и улыбнулась. Первый раз за всё время я увидел, что она улыбается. Рядом с ней всегда сидела наша соседка - учительница Зоя Николаевна. Зоя Николаевна жила в соседней квартире, у неё было трое детей - малышей. Самому младшему

Катьке было 5 лет, а Сашка учился со мной в одном классе. Почему Сашка мне не рассказывал про девочку? Я узнал, что её зовут Катя. Жила она с мамой и младшим братиком в небольшом деревянном доме на окраине, папа ушёл на фронт. Как-то Катя пошла за водой, а путь её лежал воздушная тропа, Бандубежице. Девочка возвращалась домой уже поздно, на улице было темно. Далеко идти не смогла, потому что всё вокруг было разрушено бандитами. Единственным человеком, к которому Катя решила пойти, была учительница. Женщина не смогла узнать, что случилось, Катя не проговорила ни слова. Она хотела рассказать, но почему-то, видимо, не могла. Зоя Николаевна оставила Катю у себя, а рано утром, когда все спали, пошла к дому девочки. Вся улица, где жила Катя, сожгла. Мама и маленький Братик её погибли. Зоя Николаевна решила, что Катя будет жить у них. Есть у Зои Николаевны три сыночка, а теперь и дочка будет".

Аккуратно, бережно перемешивая страницу:

«Когда мы спускались в Бандоубежище, учительница, чтобы отвлечь ребят, преводила урок, например, «Природоведение». Зоя Николаевна увлекательно рассказывала о животных и растениях, о дальних странах, о морях и океанах. Катя всегда внимательно слушала уроки, но однажды она закрыла глаза и зашевелила губками. Я наклонился и услышал тихий шепот: «Как же я буду без мамы... Мама, мамочка родная, где тебя нет рядом... Я чувствую твоего защиту... Я должна, я слышу! Я не боюсь врага!» К горлу у меня перекутил комочек, сердце рвалось из груди...

Я стал внимательнее относиться к Кате. В Бандоубежище старался садиться с ней рядом. Если у меня был кусочек сахара, я угощал Катю, разговаривал с ней, рассказывал смешные истории. Тихо, но девочка улыбалась. Катя настояло ко мне привыкла, что стала сама переаживаться ко мне, угожала меня сахаром и тихо-тихо напевала неизвестную мне песенку. Однажды, после урока, учительница встала и сказала:

«Урок окончен», - и мы из Багдадбешица пошли на дачу.

Катя сама взяла меня за руку, а другой рукой достала из кармана куколку ручной работы, маленькую вязаную куколку. Катя её сильно проигрела: «Её мама связала...». Далее текст нечитаемый.

Уже давно солнце, на чердаке стало темно. Очень интересно, что там в конце тетради. Я достал теледиск, включил орадиарик и дочитал до конца дневник деда Семёна. Вот ещё несколько строк: «После войны мы с Катей часто виделись и дружили, пока нас не развела судьба. Хорошая девочка выросла. Зоя Николаевна звали её. Я узнаю, что вязаную куколку Катя носила всегда с собой, буквально не выпускала её из рук. Это как память о маме, как единственная, такая тонкая и вместе с тем крепкая связующая ниточка с ней. Однажды, когда мы гуляли, Катя робко призналась, что я её самый близкий друг. Она достала из кармана вязаную куколку и сказала, что куколка...». И снова текст размыт. Тетрадка деда то ли от вранья, то ли

от небрежного хранения повреждена. Одна страница совсем не сохранилась, а часть тетради крамольна. Что там было написано? Может, Катя рассказала про маму, как она везла кукажу, про то, как пришла похоронка, и они узнали, что папа не вернется домой. Может, Катя вспомнила слова маминкой песенки, которую она милошко пела в Самодуровнице, прелесть от баче под мужской маркой - ушанкой. А может, о маме, как дорога ей эта кукушка, ставшая оберегом. Я не знаю.

Путь меня позвали родители. Я заглянул в сундук, посветил фонариком и на самом дне увидел везаную кукажу. Аккуратно достал ее, закрыл сундук и спустился вниз к маме с папой. Я показал им свою кукажу - старую тетрадь и везаную кукушку. Потом рассказал историю, прочитанную в тетради моего прадеда Семёна, и вслух дочитал последнюю страницу, где неразборливо написано: «Люди! Отнитесь, отнитесь вокрут! Вы живите в мирное время, вам выпало счастье родиться тогда, когда о войне знают только по книгам и фильмам. Раздуйте повалу дно, саломоку,

дождю, смеху, улыбке ребёнка... вздохом кураж.
Ведь всё это и есть жизнь, радуйтесь жизни!
От имени всех детей на Земле, пожалуйста,
не забывайте серыховые. Дети и война —
как чёрное и белое, нельзя допустить сближения
этих понятий. Мир — главное богатство, его
нужно беречь. Наше детство распорчено
войной, а вы берите своё и детство ваших
детей, детей ваших детей...» Далее снова раскрытый
текст, мы рассматриваем какие-то зарисовки: ручки,
радуга, солнце.

Я задаю единственный вопрос своим ро-
дителям: «Что же всё-таки имеет место в порядке
Селёна?». Папа отвечает, что Иван Васильевич и
Матрёна Петровна рассказывали про ребят из
поискового отряда, которые неравно приезжали и
спрашивали, не знают ли они проживающего
здесь после войны Селёна Петровича Егубова. Именно
этого Селёна разыскивает некая женщина...

Аккуратно положу маленькую вздохную куражку

в петрадь дера Семёна, захоро её и уверу для иенути,
для своих детей и внуков.

Обязательно завтра стому в своей ииници, как
записаться в почтовый отряд. Вы спросите:
зачем. Я хочу, чтобы в двадцать первом веке
мы слышим голоса из двадцатого.

Но дераи румают, что какает

Не дерешит сама собой,

Что раской времени замечет

Любуо биль, любуо биль...

«По праву какает» А. Мвардовский.